

«СОЦИОЛОГИЗМ» М.М. КОВАЛЕВСКОГО: ИСТОКИ И СПЕЦИФИКА

© 2007 г.

В.Ю. Левитский

Северо-Осетинский госуниверситет им. К.Л. Хетагурова

zara@fsn.unn.ru

Поступила в редакцию 30.05.2007

Выясняется вопрос об эвристических возможностях общего социологического подхода, впервые примененного М.М. Ковалевским к изучению форм общественной жизни горских народностей Кавказа, в историческом кавказоведении.

В отечественной историографии за М.М. Ковалевским прочно закреплен статус основателя исторического кавказоведения, внесшего значительный вклад в изучение форм общественной жизни горских народностей Кавказа. Центральная тема кавказоведческих работ ученого — обычное право, но она, по заключению М.О. Косвена, «взята Ковалевским в таком широком смысле, что действительным предметом его описаний и исследований может считаться общественный строй, притом представленный, в свою очередь, довольно широко и разносторонне». [1]

Широту и разносторонность достижений Ковалевского-кавказоведа усматривают прежде всего в постановке им общетеоретических вопросов, из которых первостепенными считаются вопросы о *родовом строе* и *общине*. Традиционно отмечается, что для их решения Ковалевский создал новую источниковую базу, включавшую самостоятельно собранные и систематизированные полевые этнографические данные, архивные документы, археологические свидетельства. Ковалевский расширил тематику монографического описания отдельных народов Кавказа. Также обращено внимание на то, что он, в отличие от предшествующих кавказоведов, не только описывал, но и концептуализировал добытые факты, обогащая тем самым теоретико-методологический арсенал исторического познания.

Но до сих пор историков мало интересует тот факт, что Ковалевский применил при изучении «юридического быта» кавказских народов новый для его времени *социологический подход*. Научную ценность для исследователей истории кавказских горцев представляет лишь фактический материал, а не способы получения исторического знания, использованные ученым. Действительно, собранные и систематизированные ученым сведения о становлении «гражданственности» у горцев, постановка им на этом материале

общетеоретических проблем исторического познания способствовали превращению кавказоведения в комплексную социально-историческую дисциплину и выдвиганию отечественных изысканий по истории Кавказа на мировой уровень. Но в настоящее время нельзя ограничиваться оценкой только тематико-фактографической базы кавказоведческого дела Ковалевского. Насущной потребностью современного исторического познания стало «оживление» его теоретико-методологического наследия, критическое переосмысление гносеологических стратегий тех, кто создавал кавказоведение, а Ковалевский среди них — фигура первостепенная и новаторская, ставшая для следующих поколений кавказоведов бесспорным авторитетом. В связи с этим как раз и необходимо *уяснение сути* примененного Ковалевским *социологического подхода* к изучению горских адатов.

Какие информационные источники делают возможным решение этой задачи? С каким содержанием и смыслом формировался и использовался Ковалевским социологический подход? Каковы познавательные возможности социологического подхода Ковалевского в изучении горских адатов?

Научно-исследовательская литература по истории социологической мысли [2] позволяет сформулировать общее определение социологического подхода. Под *социологическим подходом* имеется в виду *совокупность воззрений*, которая стала складываться к началу XIX столетия в западноевропейской интеллектуальной среде под влиянием научно-промышленных и либерально-буржуазных преобразований общественной жизни и в дальнейшем разделилась на геополитическую и научно-практическую специализацию. Согласно социологическому подходу, все разнообразие предшествующих форм теоретического знания

об обществе базируется на предельно абстрагированном понятии-категории «общество». Иначе говоря, для приверженцев социологического подхода «первоначалом и конечной причиной» всего сущего и, соответственно, познания является *общество, общественный порядок*. В оформлении такого предмета познания первостепенную роль играют сложившиеся независимо от социологических воззрений идея *прогресса* и понятие *объективных «естественных» законов*.

Поэтому нет резона представлять социологический подход только как изобретение О. Конта. Он скорее «крестный отец» социологического подхода. У социологического подхода есть уходящая в далекое прошлое теоретическая «родословная», вопреки даже тому, что его актуальность связана с «позитивным» (на манер естественно-научных дисциплин) объяснением общественного порядка. Но если в отношении к природе как предмету познания естествознание нового времени элиминировало прежние метафизические воззрения, то в отношении к обществу социологический подход их «нечаянно» возродил. Это достаточно отчетливо понимают историки и критики социологического подхода, когда реконструируют его историческую судьбу и анализируют персонифицированные модификации его содержания.

Так, Ю.Н. Давыдов фиксирует в содержании социологического подхода присутствие «некритической апологетики нового как такового», обусловленное заимствованием теоретико-методологических установок естествознания XVII–XVIII вв. Все это обеспечивает «своеобразное видение» исторического времени. «Если в случае видения настоящего, — отмечает исследователь, — социологический подход был в общем скорее положительным, то в случае видения прошлого, а особенно «светлого» будущего, его нельзя не оценивать как скорее отрицательный» [3]. При этом «главной виновницей дисбаланса», по словам Давыдова, «оказалась, в конечном счете, идея Прогресса... идеологизация общенаучного принципа эволюционизма» [4].

Впервые *идея прогресса* была выдвинута в XVII в. Ф. Бэконом и Декартом относительно познания, а в XVIII в. развита А. Тюрго, Кондорсе, Вольтером и последующими поколениями мыслителей применительно к историческим событиям. Основное содержание идеи прогресса во времена Просвещения связано с умозрительным представлением о

том, что каждая новая эпоха в истории человечества знаменуется появлением новых знаний и учений, позволяющих расширить горизонты человеческих возможностей. Поэтому «виновниками» прогрессивного развития человечества объявлялись наука и образование, а не Божественное провидение. Вольтер первым предложил рационально-прогрессистскую модель истории как перехода человечества от низших к высшим стадиям развития, выделив тем самым предметную сферу *философии истории* и ее методологический арсенал. В рамках философско-исторического обоснования идеи прогресса уже в XVIII в. были сформулированы многие понятия, например, общества как части природного универсума, «естественных законов» истории, единства человеческой истории.

Впоследствии проблематика идеи прогресса была приумножена и углублена представителями немецкого классического идеализма (Шеллингом, Кантом, Фихте, Гегелем). Благодаря их учениям идею прогресса потеснила *идея развития*. Теперь в истории общества следовало искать собственные внутренние закономерности и связи. Центральной проблемой стал «человек вообще», поиски его специфики и сути. Но позиция историцизма в объяснении универсальности тех или иных социальных процессов и явлений, в соединении локальных историй в единую картину исторической реальности не избавляла от абсолютизации и мистификации какого-либо одного свойства в общественном развитии.

Своеобразным опытом преодоления такой умозрительно-генерализирующей стратегии познания стал первый проект социологии, сформулированный К.А. де Сен-Симоном и осуществленный его учеником О. Контом. В его основе лежал принятый на веру факт *интеллектуального совершенствования человечества*. При помощи этого эмпирически фиксируемого основания идея прогресса превратилась в самостоятельную сущность, «отменявшую» любое старое во имя любого нового. С позиций этой сущности социально-исторические процессы приобретали свойства относительности и условности, или *зависимости* от этой самой сущности. Между тем опора на простой факт прогрессивного изменения не снимала вопроса о начале социально-исторических процессов. Опыт самообоснования социологических воззрений демонстрирует противоречивую и кризисную

судьбу идеи прогресса: ее содержание отражает прежде всего то, как те или иные реальные субъекты общественной истории в соответствии со своими интересами соотносят прогресс с какой-либо «системой координат» [5].

Начиная с XVII столетия, открытые естественными науками факты эволюции и причинной обусловленности материальных форм приняли вид координат общественного развития. Доказанные опытным путем *объективные* («естественные») *законы* сохранения материи, непрерывности движения, взаимообусловленности материальных явлений, а также созданные в естественно-научном знании таксономии природных форм стимулировали оформление позитивного знания о функционировании и развитии общества с утилизацией там общенаучных теорий и методов. Эта тенденция была закреплена введением термина «социологизм». В течение всего XIX в. и в дальнейшем *социологизм* оформлялся не только в рамках социологии, но и за ее пределами – в конкретных исторических, экономических, юридических и других исследовательских практиках.

Анализ новейшей литературы по истории социологической мысли, теории и методологии познания обнаруживает наличие разных смыслов и теоретических оснований у термина «социологизм». До недавнего времени под социологизмом понималась только приверженность какого-либо исследователя проблематике, «санкционированной» учредителями социологии О. Контом и Г. Спенсером. Сейчас некоторые авторы уточняют содержание социологизма различием в нем либо «онтологического и методологического аспектов» [6], либо особым образом сконструированной предметности и системы ее аргументации [7].

Для нас же более убедительным стало рассмотрение социологизма как совокупности воззрений, формирующихся по поводу такого предмета познания, как общество, за счет подчинения ему относительно самостоятельных форм и способов познания. Подобно любому другому подходу, социологизм предельно абстрагирует какую-либо одну сторону в предмете познания, подчас доводя ее до самостоятельной сущности. Насколько осознают и каким образом преодолевают это упущение приверженцы социологического подхода, можно выяснить лишь через изучение их конкретных дел и судьбы их результатов.

Социологизм Ковалевского – тема, мимо которой не проходят историки социологии и

науковеды [8]. В настоящее время разработка этой темы ведется в нескольких направлениях: во-первых, под углом зрения институционализации социологии; во-вторых, участия Ковалевского в становлении и достижениях русской исторической школы; в-третьих, персонифицированного развития социологических принципов в научно-исследовательской деятельности Ковалевского. Общим итогом всех этих направлений стала интерпретация Ковалевского как многогранного ученого-обществоведа, основателя профессиональной русской социологии, последовательного приверженца позитивизма в духе Конта и Спенсера, сторонника общенаучной теории эволюции, а также как автора «синтетической» социологической системы. Последняя, по словам ученика Ковалевского, а впоследствии известного американского социолога Н.С. Тимашева, построена «не на политических соображениях, а на тщательном изучении истории социальных, политических, правовых и экономических институтов» [9].

На фундаментальный характер социологических воззрений Ковалевского, толкование которых возможно не только и не столько с позиций идейно-политической конъюнктуры, указывали многие его современники [10]. Для нынешних исследователей эти оценки имеют значение в плане формулирования и рассмотрения *проблемы мировоззренческой целостности, системности социологических воззрений Ковалевского*.

Первым науковедческим опытом решения этой проблемы стала монография Б.Г. Сафронова «М.М. Ковалевский как социолог», изданная в 1960 г. Согласно данным библиографии работ о научной деятельности Ковалевского [11], до появления этой книги не было специальных исследований о социологизме ученого. До сих пор она остается единственным, но не исчерпывающим источником специализированного предметного исследования.

Сафронов выдвигает и достаточно убедительно доказывает гипотезу о том, что Ковалевский всю свою деятельность профессионала-историка не только подчинил уяснению социологических вопросов, но и сформировал собственную систему социологических воззрений. По мнению исследователя, «устарелость» социологических воззрений Ковалевского в наше время, их иное, чем у самого Ковалевского и его

современников, восприятие, не перечеркивает их историческое значение [12]. Какой конкретно-исторический смысл усматривает исследователь в социологизме Ковалевского?

Прежде всего, Сафронов не согласен с бытующим доводом о том, что Ковалевский обратился к социологическим проблемам в последние годы своей жизни, когда действительно отошел от конкретной историко-исследовательской работы и якобы «поправел» в своих идейно-политических убеждениях. Это соображение изложено в статье В.С. Покровского «Социально-политические и правовые взгляды М.М. Ковалевского» [13], характерном для советского времени образчике классово-атрибутивного отношения к воззрениям любых дореволюционных ученых. Отсюда и вполне ожидаемый вывод Покровского о «непреодолимости» Ковалевским либеральных иллюзий в силу «плохого знания русской действительности, оторванности от народа и идеализма» [14]. У Сафронова другая позиция и, соответственно, другие приемы ее аргументации.

Во-первых, исследователь обращается к дискуссионному еще со времен Ковалевского вопросу о его «европеизме» и при решении этого вопроса значительно расширяет общепринятый формат классово-атрибутивной интерпретации. С одной стороны, согласно выводам Сафронова, Ковалевский — «типичный представитель обширного (и довольно пестрого) течения в исторической и социологической мысли, выражающего интересы русского либерализма 70–80-х годов. Здесь у него множество единомышленников, а его доктрина на фоне этого направления почти теряет свои индивидуальные, оригинальные очертания (если иметь в виду принципы)» [15]. С другой стороны, Сафронову важно указать на принадлежность Ковалевского к «русской исторической школе», сформировавшейся под влиянием передовых западноевропейских учений социально-экономического и социологического толка. Эта школа, считает исследователь, не тождественна «русской социологической мысли», которую в России последней трети XIX в. представляли последователи Н.Г. Чернышевского, народники и марксисты [16]. Специфике русской исторической школы, ее оформлению в особую научную общность через деятельность таких ученых, как М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, посвятил свое исследование Г.П. Мягков [17]. Сафронов же показывает, что Ковалевский, обладая

достаточными сведениями о содержании русской социологической мысли, неоднократно отмечая ее вклад в развитие социологической проблематики и будучи лично знаком с некоторыми ее представителями, между тем решительно не принимал ни ее основные идеи, ни ее субъективистско-метафизическую методологию. Западноевропейский общественный и политический строй воспринимался Ковалевским, по его же собственному признанию, «как более передовой, прогрессивный и, следовательно, способный играть роль образца и цели для России» [18]. Первостепенными, но не равнозначными величинами для Ковалевского были О. Конт и К. Маркс. В обосновании этих и других положений Сафронов опирается на факты исторической действительности и документальные источники.

Во-вторых, и для предмета нашей работы эти изыскания Сафронова обладают познавательной ценностью, он устанавливает, что уже ранние работы ученого по вопросам происхождения семьи, собственности и государства, а также о методологическом оснащении исторического познания связаны с проблемным полем позитивной социологии. Сафронов приводит биографические данные, согласно которым время обучения в Харьковском университете, начало профессорско-преподавательской деятельности в Московском университете, а также годы ученичества за границей были связаны тесным общением Ковалевского со сторонниками позитивистских идей и увлечением социологической проблематикой. Сафронов, используя свидетельства современников ученого, в которых они констатировали «полный разрыв взглядов Ковалевского с русской традицией» [19], убедительно показывает, что так воспринятая оппозиционность Ковалевского на деле означала стремление ученого «выйти за пределы истории родины для обнаружения общих закономерностей социального прогресса, в свете которых должно было вернуться к истолкованию русских событий» [20].

В-третьих, для доказательства положения о приверженности Ковалевского на протяжении всей своей научной деятельности позитивистски сформулированному предмету и назначению социологии Сафронов выделяет и рассматривает определенный круг идей, которые, с точки зрения исследователя, образуют «систему социологических воззрений Ковалевского». При этом Сафронов отмечает:

«Конкретная проблематика многих работ Ковалевского, его большой вклад в развитие истории политических учреждений и теорий, экономических форм, общественных организаций доклассовых обществ, в истории социологических доктрин иногда как бы заслоняет наличие у него более общих идей: социального прогресса, движущих сил общества, исторической периодизации, историко-сравнительного метода, специфики социологии как науки, ее предмета» [21].

Из сказанного выше становится понятным, что для Ковалевского *социологизм* означал научный подход к изучению *общества*, идентичный тому, который был реализован естественными науками по отношению к природе. Ковалевский был убежден, что «одним из проявлений... учения о закономерности общественны

х явлений» выступает идея прогресса и что она «впервые возникла в сфере тех конкретных гуманитарных наук, которые всего ближе стоят по природе к наукам естественным, в статистике и экономике» [22]. То есть, по Ковалевскому, социологический подход вызвали к жизни достижения «конкретных наук». В сравнении с ними философско-исторические доктрины малопродуктивны в объяснении «поступательного движения общества», ибо там действует принцип: «Человек волнуется, а Всевышний им руководит» [23]. Отсюда неприятие ученым «теологических и метафизических» установок в любых изысканиях, опора на те выводы «конкретных наук об обществе», которые «не противоречат законам биологии и психологии» [24], и его интерес к начавшей складываться в XIX в. *социологической доктрине права*.

Список литературы

1. Косвен М.О. История и этнография Кавказа. Исследования и материалы. – М., 1961. – С. 233.
2. История буржуазной социологии XIX – начала XX века. – М., 1979; История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. – М., 2002; Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. В 2-х т. – М., 1977; Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998 и др.

3. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. – М., 2002. – С. 12–13.
4. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. – М., 2002. – С. 13.
5. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. – М., 2002. – С. 483–488.
6. Гофман А.Б. Становление французской социологической школы Э. Дюркгейма // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. – М., 2002. – С. 323–331.
7. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – М., 2005. – С. 98–106.
8. Бороноев А.О. М.М. Ковалевский – первый русский социолог // Ковалевский М.М. Соч. в 2-х т. Т.1. Социология. – СПб., 1997; Бочкарев Н.И. В.И. Ленин и буржуазная социология в России. – М., 1973; Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. – Л., 1979; Голосенко И.А. Социология в дореволюционной России // «Философские науки». – 1988. – № 1; Зорькин В.Д. Позитивистская теория

THE SOURCES AND SPECIFICS OF M. KOVALEVSKIY'S «SOCIOLOGISM»

V.Yu. Levitskiy

The article clarifies the problem of heuristic possibilities of the sociological approach worked out by M. Kovalevskiy for the study of forms of social life of the nations of the Caucasus region.

права в России. – М., 1978; Казаков А.П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский). – М., 1969; Ковалев А.Д. М.М. Ковалевский – «западник» русской социологии // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. – М., 2002; Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). – М., 1980; Погодин С.Н. М.М. Ковалевский // Новая и новейшая история. – 1998. – № 2; Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960; Социологическая мысль в России. Очерк истории немарксистской социологии посл. трети XIX – начала XX века. – Л., 1978; Шкуринов П.С. Позитивизм в России в XIX в. – М., 1980 и др.

9. Timasheff N.S. The sociological theory of Maksim M. Kovalevsky // An introduction to the history of sociology / Ed. by H.E. Barnes. – Chicago, 1950. – P. 441–457, P. 442.

10. См.: Грацианский Н.П. Ковалевский как историк средневековья // Вестник Европы. – 1916. – № 6. – С. 153; Кареев Н.И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – С. 102; Милоков П.Н. М.М. Ковалевский как социолог и как гражданин // Ковалевский М.М. (1851–1916). Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. ст. Пг., 1917. – С. 137 и др.

11. Емельянов Ю.Н. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916). Библиография трудов М.М. Ковалевского. Литература о М.М. Ковалевском // История и историки. Историографический ежегодник. – 1980. М., 1984.

12. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960. – С. 97.
13. Покровский В.С. Социально-политические и правовые взгляды М.М. Ковалевского // Советское государство и право. – 1957. – № 4. – С. 90–101.
14. Покровский В.С. Социально-политические и правовые взгляды М.М. Ковалевского // Советское государство и право. – 1957. – № 4. – С. 101.
15. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960. – С. 91.
16. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960. – С. 23.
17. Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. – М., 1988.
18. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960. – С. 90.
19. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960. – С. 20.
20. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960. – С. 90.
21. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. – М., 1960. – С. 101.
22. Ковалевский М.М. Соч. в 2-х т. Т.1. Социология. – СПб., 1997. – С. 134.
23. Ковалевский М.М. Соч. в 2-х т. Т.1. Социология. – СПб., 1997. – С. 41.
24. Ковалевский М.М. Соч. в 2-х т. Т.1. Социология. – СПб., 1997. – С. 22.